

ЮЛИЯ ГАУФ

**ЗИМНЕЕ ЧУДО
ДЛЯ БОССА**

Юлия Гауф
Зимнее чудо для босса

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Зимнее чудо для босса / Ю. Гауф — «Автор», 2023

— Так-так, – услышала я бархатистый мужской баритон. — И что у нас здесь происходит?— Украшаю приемную к Новому Году, – обернулась, и увидела перед собой настоящего красавчика – темноволосый, высоченный, одет в дорожный костюм.— Ты Надя! – красавчик не спросил, он утвердительно это произнес, и я кивнула. — Та самая, которая то в отпуске, то на «больничном»? Та, кто в первый же день не работой занимается, а ерундой? Та, кто потакала моему отцу? И из-за его разгильдяйства мне придется руководить этой богадельней. Мужчина перестал казаться мне красивым. Наглый, и вдобавок болван! Так коллеги не ввали, и у нас новый босс?— Вы сказали «руководить»?— Всеми, кроме тебя. Ты уволена!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юлия Гауф

Зимнее чудо для босса

Глава 1

– С возвращением, Надька, – подруга обняла меня, когда я вошла в офис. – Ну и дала ты жару, два месяца на больничном! Везет.

– Перелом ноги – то еще счастье, – хмыкнула я, и начала продвигаться к приемной, кивая встречным коллегам, и улыбаясь.

Мне двадцать пять лет, у меня есть высшее образование. А еще я секретарша, чего очень стыдится моя мама.

И я просто обожаю свою работу! Люблю старенького шефа, который добавляет крепкие капельки в принесенный мною кофе, и к обеду мирно дремлет. Он не орет, не капризничает, отпускает вовремя, и я успеваю заехать за дочкой.

– Надь, – Ксюша побежала за мной в приемную, стуча каблучками, – ты новому боссу постарайся понравиться, ладно? А то, говорят, он новую секретаршу ищет.

– Новому боссу? – нахмурилась я. – Ты о чем, Ксю?

– Так Борис Ефимович дела передает своему сыну, а сам на покой уходит. Дай Боже, не на вечный. А Никита, говорят, тобой недоволен. Ну ты это, осторожнее будь, ладно?

Я рассеянно кивнула, и начала выкладывать на свой рабочий стол конфеты и торт, которые сделала сама. Есть у меня такое хобби – десерты готовить вместе с дочкой. Забавно, что при нашей любви к изготовлению сладостей, поесть эти самые сладости мы не любим.

Зато угощать очень даже. Классная руководительница моей Лизы уже пять кило набрала благодаря моим угощениям.

– Привет, Надюша, – в приемную вошел Борис Ефимович, постукивая элегантной тростью. – Наконец-то ты вернулась! О, мои любимые, трюфельные, – облизнулся шеф, а при виде торта «Графские развалины» его глаза и вовсе загорелись. – Кудесница!

– Льстите. А лучше бы премию выписали! Да вы угощайтесь, – я подвинула конфеты поближе к шефу.

– Я только вошел, а ты уже деньги требуешь. Женщины, – Борис Ефимович цокнул языком, взял шоколадный трюфель, и с наслаждением его слопал.

Вот я так и знала, что Ксюша как обычно напридумывала ерунды.

Ну какой новый шеф, когда старый на месте?! Да и не потянет молодой оболтус управление международной логистической компанией. Конечно, всеми делами занимаются руководители отделов, а наш Борис Ефимович в основном отдыхает, но клиенты наши ему верны. И вряд ли будут работать с молодым да борзым золотым мальчиком.

Я нарезала торт, наблюдая, как шеф одну за другой ворует с моего стола конфеты, будто пятилетний мальчишка. Хорошо что я много с собой взяла, скоро коллеги начнут подтягиваться, а отказываю в угощениях я лишь Вере. Она та еще стерва.

– Вы к себе идите. Я вам кофе с тортиком принесу. А потом приемную украшу, Новый Год на носу, – я с предвкушением посмотрела на второй пакет, который принесла с собой, и набит он игрушками и гирляндами.

А в подсобке елка стоит, которую нужно вытащить, и украсить.

Ох, как же я люблю эту предпраздничную суету!

– Надюш...

Борис Ефимович вздохнул, странно глядя на меня, и покачал головой.

– Что?

– Ничего, – вздохнул шеф. – Потом поговорим.

Хм, может, премии в этом году не будет, и про это Борис Ефимович не решается мне сказать? Если так, то новость неприятная. Сначала я ушла в законный отпуск на четыре недели, год ради этого работала, не отдыхая. А все для того, чтобы дочке помочь справиться, она теперь не малышка-детсадовка, а первоклашка.

А потом, в предпоследний день отпуска, я банальнейшим образом упала на даче, и так «удачно», что сломала левую ногу и правую руку.

Сломала бы еще нос, был бы хет-трик. Комбо!

А деньги, к сожалению, имеют неприятное свойство заканчиваться.

– Ой, конфетки. А я на диете к новому году, но пара штук же не повредит? – забежала Маша из бухгалтерии.

– Ммм, тортик. Надь, может, все же, выйдешь за меня? – в приемную заглянул Слава – наш специалист по таможенным декларациям, и традиционно предложил мне стать его женой. – Я буду тебя обеспечивать, а ты будешь меня вкусно кормить.

– Напоминаю: ты уже женат, – расхохоталась я, распаковывая елку.

– Так меня на всех хватит. Вроде закон скоро примут о многоженстве, я по новостям слышал.

– А я по новостям слышала, что инопланетяне уже среди нас, и вдобавок ожидается восстание машин. Все, иди уже, – замахала я на балбеса рукой.

Коллеги по очереди подтягивались в приемную, позабыв про то, что к корпоративу дружно худели, и поедали мои конфеты, торт, и кокосовое печенье, пока я с удовольствием украшала белую елку красными и синими шариками.

– Так-так, – услышала я за спиной бархатистый мужской баритон. – И что у нас здесь происходит?

– Новогоднее волшебство здесь происходит. Добавляю скучной приемной праздничные нотки, – обернулась, и увидела перед собой настоящего красавчика – темноволосый, высоченный, одет в дорожный костюм. На вид лет тридцать.

Ух, какой! Новый сотрудник? Клиент? Партнер?

– Ты Надя! – красавчик не спросил, он утвердительно это произнес, и я кивнула. – Та самая, которая то в отпуске, то на «больничном». Та самая, кто в первый же день не работой занимается, а ерундой, – мужчина сузил глаза, перечисляя мои прегрешения. – Та самая, кто потакала моему отцу, подливая в кофе коньяк. И из-за его пьянства мне придется руководить этой богадельней.

Мужчина перестал казаться мне красивым.

Наглый, и вдобавок болван!

– Во-первых, я и правда болела. А на отпуск имеют право все, с кем трудовой договор заключен, – сложила я руки на груди. – Ерундой я не занимаюсь, мой начальник прекрасно осведомлен о том, что я украшаю приемную. И никому я коньяк не подливала! И... что? Вы сказали «руководить»?

Так коллеги не ввали, и у нас новый босс?

– Да. Руководить, – отрезал мужчина. – Всеми, кроме тебя. Наслышан о твоей «работе». Ты уволена!

Он произнес это, и вошел в кабинет директора.

НИКИТА

Отец на старости лет стал жутко сентиментальным. Он уже неделю мог не являться в офис, но решил дождаться, пока вернется его секретарша-бездельница.

– Папа, – кивнул я ему. – Ты своей секретарше не сказал, что она уволена?

– Не сказал.

– Почему? – я сел напротив, и взял с блюдца конфету, оказавшуюся дико вкусной. – Твоя Наденька сильно удивилась, когда я ей сообщил. Наверное, так и стоит посреди приемной, и воздух ртом хватается. Мог бы и сам сказать ей, чтобы написала заявление.

Отец хмыкнул, а затем нахмурился, наблюдая как я потянулся к еще одной конфете, и резко придвинул к себе блюдце.

Вот черт, не успел.

– Почему не сказал? А потому что ты ее не уволишь, – заявил он.

– Уже уволил. Ты на пенсию уходишь, новый глава компании – я. И мне такая секретарша не нужна.

– Надя – идеальный сотрудник.

– Бездельница твоя Надя, – парировал я.

– Душа компании! – сузил отец глаза. – И, к слову, компанию я на тебя пока не переписал. Ее владелец я, а не ты. И если ты решил уволить Надю, то прости, сынок, я с директорского кресла не встану. Потерплю истерики твоей матери, но работу не брошу.

Я присвистнул.

– Мы действительно спорим из-за твоей секретарши? Из-за этой пигалицы? – покачал я головой.

Я здесь не первую неделю, и даже не первый месяц дела принимаю. И сам желанием не горел сидеть в офисе, одеваться в душный костюм и целыми днями думать о том, как не потерять клиентов, решать вопросы с партнерами, товар которых задержали на таможне, и воевать с налоговиками.

Но отец уже стар. Мать начала доставать меня, что он спивается на старости лет, даже детектива наняла. И выяснила, что его лентяйка-секретарша наливает папе не только кофе, но и кое-что покрепче. А все ради того, чтобы ерундой заниматься, пока старик на диване дремлет.

– Неужели тебе Надя не понравилась? – хитро прищурился папа.

Вспомнил золотисто-карие глаза, темные локоны и мягкую улыбку отцовской секретарши, и признался самому себе – не знай я «милых» подробностей про эту девушку, может, и повелся бы на нее. Пару недель или месяц с удовольствием бы провел с ней.

Но я в курсе, что она жуткая лентяйка, которая про деловую этику даже не слышала. И вдобавок ради того, чтобы бездельничать вместо того чтобы работать, моего отца спаивала.

– Нет, не понравилась, – отрезал я.

– Какого дурака и сноба я вырастил, – отец наморщил лоб, и выдал: – Вот тебе мое условие, при котором я перепису на тебя компанию: секретаршу мою ты не уволишь! Более того, ты на ней женишься! Да, Никита, вот так! Даю тебе год, пока мы с матерью в кризисе будем. За этот год я должен получить приглашение на вашу свадьбу, а как женишься на ней, то так и быть, увольняй. Пусть дома сидит.

– Что? – не поверил я своим ушам. – Отец, это бред какой-то! Или ты шутишь? В каком месте смеяться?

– Надя – девушка хорошая, – строго сказал папа. — Ты слишком рано командовать начал, я пока на тебя компанию не переписал, напоминаю еще раз. И условие я озвучил. Иначе через год я вернусь, вычеркну тебя из завещания, сяду в это кресло и буду руководить. И в истериках матери виноват будешь только ты, сынок, – отец встал с кресла, обошел стол, и похлопал меня по плечу, довольный сотворенной пакостью.

– Ни за что! – рыкнул я.

– Твое право. Но один год у тебя есть время подумать. А пока иди к Наде, и скажи, что насчет ее увольнения ты пошутил. Иначе я на пенсию не выйду точно, и твоя мать поедет в круиз одна.

Ненавижу шантаж!

Я уже хотел послать отца с его самодурством и старческими бреднями куда подальше, но представил, как мама будет проедать плешь и мне, и папе, и всем родственникам. Скандалить она умеет красиво – со слезами и битьем посуды, с заламыванием рук и обмороками.

Бррр, ну уж нет.

– Ладно, пусть эта бездельница остается. Твоя взяла!

Я встал, и направился к двери, чтобы поговорить с любимицей отца, который окончательно сбрендил.

Время и повод уволить негодяйку я найду.

И уж точно не женюсь на этой особе!

НАДЯ

Нет, ну что за подлец, а?

Я застыла с елочным шариком в ладони, так и не повесив его на белую красавицу-елочку.

Я – лентяйка?

Я постоянно в отпуске и на больничном?

Я спаиваю Бориса Ефимовича, который... да он мне как отец! Знаю, конечно, что он коньячок держит в столе, и добавляет его в мой кофе, и ругала его за это, но как мне запретить это?!

– Ну и прекрасно! – возмутилась я, и начала складывать свои вещи в пакеты. – Уволили, так я уйду!

Барахла набиралось много. Сувениры, чашки, блокноты, игрушки для Лизаветы, которые она забывала у меня на работе. И все это я складывала в пакеты, в которые еще утром упаковывала сладости, чтобы всех угостить.

И обидно-то как, хоть плачь! Этот свин неблагодарный, который сын Бориса Ефимовича, ни разу в компании не появлялся, даже не думал отцу помочь, поинтересоваться, как он и что. Наслышана я про их отношения, и как этот самый Никита в юности родителям нервы трепал.

А тут пришел, как кое-кто с горы, и меня выгнал!

Обида схлынула быстро, и я рассердилась. А затем посмотрела на свои почти до конца собранные вещи по-новому.

– Хм, а с чего это я должна уходить? – пробормотала я, и тут дверь кабинета открылась.

Кто бы это ни был – Никита Борисович, или Борис Ефимович, свое слово я скажу любому из них!

Но это оказался Никита Борисович собственной не самой чудесной персоной.

– Надя, ты... – заговорил он, состроив недовольное выражение лица, и я вспыхнула.

Сейчас скажет какую-нибудь гадость в стиле: «Ты еще здесь? Сейчас охрану позову, и вышвырнут тебя, как преступницу!»

Потому я перебила:

– Да, я еще здесь! – вскинула я подбородок. – Уволить меня вы не сможете, так и знайте! Трудовую дисциплину я не нарушала, работала добросовестно. Отпуск, которым вы меня попрекнули, положен каждому человеку, а больничный... я сломала ногу и руку, лист нетрудоспособности в бухгалтерии лежит, сходите и проверьте! – набрала в грудь воздуха, подстегивая себя, и продолжила: – А еще я мать-одиночка, вот так-то! И незаконно меня увольнять, я в суд подам, так и знайте!

– Все сказала?

Никита хмыкнул, недовольство исчезло с его лица, и на смену ему пришло любопытство, и нечто похожее на умиление. Так смотрят на маленьких детей, которые наслушались взрослых разговорах, и пытаются вещать что-то умное, ни черта при этом не понимая.

– Да! – воскликнула я воинственно.

– Уволить я тебя не могу, а вот вынудить написать заявление...

– Тоже не можете, – я прямо ответила взглядом на взгляд, хотя в душе немного трусила. – Не на ту напали.

– Да я уж вижу, – усмехнулся он. – Отца моего зачем спаивала? Думаешь, я не разузнал о тебе ничего? Батя похрапывал на диванчике, а ты сидела и любовные романы читала вместо того, чтобы работу работать. Врать не стыдно, Наденька?

– А сплетни собирать не стыдно? И не спаивала я Бориса Ефимовича, – воскликнула я, и тихо добавила: – Он сам с этим прекрасно справлялся.

– А как насчет безделья? – Никита открыто улыбнулся, подначивая меня. – Только пришла, три месяца не было, и в игрушки играешь. Работать кто будет? Планировала мишуру развесить, а потом сесть почитать любовные романчики?

Я покраснела, до того этот мужчина меня рассердил. Талант у человека: знакомы десять минут, и он довел меня так, как даже родительский чат в ватсапе не доводил. А там такой трэш творится, уму непостижимо!

– Вам Вера наболтала про то, что я бездельничаю?

С Верочкой мы со школы знакомы, и она меня недолюбливает. Даже так, она меня терпеть не может, хотя ничего плохого я ей не сделала. Наоборот, мужа своего бывшего к ней отправила жить, застав их на прошлом корпоративе в пикантный момент.

Может, поэтому она меня еще больше возненавидела? Сережа – тот еще подарочек!

– Информаторов я не сдаю, – Никита облокотился бедрами о стол, и потянулся к моим конфетам.

Я не жадная, но этот мужчина угощение не заслужил! Я показательно отодвинула от него блюдце:

– Это не вам!

– Жадина, – расхохотался Никита Борисович. – Ладно, раз уходить не хочешь, то работай, так и быть. Будешь моей секретаршей, отец на год из страны уезжает. И купи еще этих конфет, – он указал на блюдце, которое я отодвинула на дальний край стола. – Кстати, в праздники работать я буду сверх нормы. И ты будешь вместе со мной.

Мужчина перегнулся через стол, взял мое блюдце с моими конфетами, и прямо при мне нагло слопал две штуки. А затем направился в кабинет.

Глава 2

– Не заслужил ты моих конфет! И приемную красивую не заслужил, – проворчала я, когда вышла из директорского кабинета, в который приносила кофе. Никита кофе принял с царским видом, а Борис Ефимович трусливо избегал моего взгляда.

Никита ведь меня именно из-за того, что я елку украшаю, упрекнул.

Гринч! Самый настоящий! А это традиция в нашей компании, да и во многих других – к Новому Году украсить кабинеты.

Я воевала с собой еще час, занимаясь текучкой, и переводя некоторых клиентов, по ошибке набравших номер приемной, на девочек-логистов. А затем плюнула на свои принципы, и взялась за елку, которая стояла в приемной неодетая и помятая, упрекая меня одним своим видом.

– Надюша, красота какая, – заискивающе произнес Борис Ефимович, который к обеду вышел из кабинета.

– Вы меня, конечно, простите, но вам не стыдно? – нахмурилась я.

– Очень стыдно, – покаянно ответил шеф.

То есть, уже бывший шеф.

– Не сказали, что уходите. Не написали мне. Не предупредили, что ваш сын сплетников слушает, и меня выгнать хочет. А я вам еще сладости носила, – покачала я головой.

Право на упреки я заслужила. Когда в позапрошлом году Борис Ефимович долго не появлялся из кабинета, именно я зашла проверить его, хотя он говорил, чтобы его не тревожили. И нашла его на полу. И именно я сидела с ним в палате, пока жена была на Мальдивах, а сын вообще непонятно где, и никто не отвечал на звонки.

С другой стороны, когда у дочки в прошлом году был новогодний спектакль, а мы с мужем находились в процессе расставания, то Борис Ефимович был тем, кто пришел на выступление в детский садик. Моя Лиза его дедулей зовет, любит на работе у меня сидеть, и шеф это позволяет.

Вернее, позволял. Этот сноб вряд ли разрешит иногда приводить мою дочурку, и придется нанимать няню.

– Ты не сердись, Надя. Вы поладите. Никита – хороший парень, – с явным сомнением в голосе произнес Борис Ефимович.

– Хороший. Где-то глубоко в душе, – тихо, чтобы шеф не услышал, проворчала я, и этот самый Никита вышел из кабинета.

– Мы обедать, Наденька. Сегодня я уже не вернусь, но перед отъездом приду, навещу тебя. И Лизавете подарок принесу.

Никита кивнул своему отцу, и оба они ушли обедать, оставив приемную в моем распоряжении. И я принялась за украшения. А еще ведь постоянным клиентам нужно подарки упаковать: блокноты, ручки, календари и корзинки с фруктами и сырами. Интересно, это тоже Никита Борисович назовет баловством?!

Грустно как-то, все меня оставляют именно под Новый Год. Муженек на прошлом корпоративе напился в зюю, и не нашел места лучше, чем женский туалет, чтобы обжиматься с Верочкой. Каялся потом, что бес попутал, и вообще, он мужчина, и от природы полигамен. Но постарается быть моногамным.

Под новый год я и отправила его стараться с Верочкой.

Теперь Борис Ефимович оставляет меня этому драконистому Никите...

– Вернулась? – в приемную заглянул Сергей. – А я с подарком.

Бывший муж, которого я зачем-то вспомнила, протянул букет роз, и с этим самым торжественно выставленным в руках букетом подошел к моему столу.

– Вера в другом кабинете, Сереж, – напомнила я, не спеша бежать за вазой.

– Я знаю, это тебе. В честь выздоровления, – добавил бывший. – Сам составлял, кстати.

– Ты весьма талантлив, – я оценила «креатив» из красных роз в красной бумаге и с черной лентой, что выглядело готично-экстравагантно, и никак не тянуло на подарок к выздоровлению сломанных частей тела. – Я ценю, уже здорова, а ты иди, пожалуйста.

– Надь, – вздохнул бывший благоверный, – ну дай ты мне шанс! Я домой хочу, правда. Верка... по глупости все случилось. Тогда у меня с ней не было ничего, ты меня выгнала, когда я с ней еще не спал. По сути, все у нас с ней случилось уже когда ты меня выставила прочь, так что это не измена. Ну пообжимались мы с ней, так я в дрова был. А ты могла быть мудрее, согласишься? О семье не подумала, о ребенке, взяла и выгнала меня. Может, попробуем сначала начать?

– Может, ты выйдешь из приемной и вообще пойдешь к себе на работу? – возмутилась я.

Сергей никогда не умел извиняться по-человечески. Всегда через одно интимное место у него это получалось.

– Да что не так, ты объясни уже! – взорвался Сережа, и я мысленно поблагодарила расписание трудового дня за то, что сейчас обеденное время, и в кабинете директора пусто.

– Говоришь, что домой хочешь, но Лизу навещаешь раз в три месяца. Она тебя уже не папа, а Сережа называет, – начала я перечислять. – Фигово ты домой хочешь! Говоришь, измены не было, но когда я тебя «выставила», к кому ты пошел? К Вере. Не квартиру снял, не пытался наладить все.

– Ты сама сказала, чтобы я к ней шел!

Я открыла рот, и тут же его закрыла. Какой послушный мальчик, надо же. Куда послали, туда и идет. А вот когда я в магазин Сережу посылала, он как-то не торопился посылаться, а вместо этого чипсы на диване поедал. Наверное, тогда посылала плохо.

– Вот и сейчас я тебе говорю: иди отсюда, не приноси больше цветы. С Лизой, если хочешь, можешь общаться. Я ее против тебя никогда настраивать не буду.

– Ты же до сих пор любишь меня, – поменял Сережа тактику, бросив несчастный букет мне на стол, да так, что лепестки полетели в разные стороны. – Признай уже!

Может, стукнуть его, тогда поймет, что поезд ушел?!

– Сереж, – я поднялась со стула, и приготовилась его культурно, или как получится, послать, и увидела нового директора, который не торопясь вошел в приемную.

И явно слышал последние слова моего бывшего мужа. Ох, ну что за невезение?!

Бывший оценил мое выражение лица, явно транслирующее, что я всерьез готова убивать, и пробормотал:

– Ну я это, пойду, наверное, да?

– Иди.

– Я потом как-нибудь еще зайду...

– Сереж, – я подняла букет, и протянула бывшему: – цветы Вере подари, ты кабинетом ошибся. Сюда не приходи больше.

Он кивнул, и смылся. А я в который раз удивилась про себя, что когда-то повелась на этого мужчину. Он не злой, и не такой уж плохой. Просто слабый, и немного трусливый. Наверное, я и не любила-то его никогда, иначе бы я хоть немного была расстроена из-за его измены.

Год назад я лишь облегчение испытала, что вот он, повод послать благоверного куда подальше.

– Поклонники одолевают, Осипова? – приподнял бровь Никита Борисович.

– Одолевают, да. Вы его спугнули, за что большое вам спасибо!

– Зайди ко мне в кабинет, – бросил мужчина, и открыл дверь.

Я встала из-за рабочего стола, мысленно твердя про себя мантру, что этого конкретного мужчину, который зачем-то точит на меня зуб, посылать нельзя. Может, если я буду вести себя с ним также, как с его отцом, то мы поладим?!

Итак, Надя, женская мягкость – это один.

Исполнительность – это два.

Чувство собственного достоинства – это три.

Ну а если Никита-золотой мальчик будет уж сильно доставать, тогда можно отвести душу, и уволиться.

Решено!

– Садись, – мужчина вальяжно кивнул мне на стул, а сам опустился в директорское кресло.

Эх, Борис Ефимович, ну зачем вы меня бросили?!

– У вас будут указания? – я чинно опустилась на стул, и вежливо улыбнулась Никите Борисовичу, вспомнив детскую песенку, которую Лизе пою, что от улыбки станет всем светлей.

– Скорее приказ, Надежда. Никаких шашней на работе!

– Сергей работает не в нашей компании. Он на три этажа ниже сидит, – пояснила я. – И к тому же он...

– Живет с вашей коллегой, – перебил меня директор. – С Верой Арсентьевой. Я в курсе. Мне не нужны склоки в коллективе, а жалобы на вас поступали. Личные дела решайте за пределами компании. И, желательно, чтобы эти личные дела были не с мужчинами ваших коллег.

Ух, прелесть какая. Меня еще и блудницей окрестили!

Так, Надя, спокойно. Помни, мягкость и деликатность – наше все!

– Раз вы в курсе, что Сережа живет с Верой, которая, я уверена, вам и пожаловалась, вы должны быть и в курсе того, что он – мой бывший муж. И вы видели, что я не поощряла его, – терпеливо пояснила я. – Насчет романов на работе можете не переживать – их не будет. Вы изучали мое личное дело? Загляните в него, и вы увидите, что взысканий не было, только поощрения и благодарности. А Веру не слушайте, не любит она меня.

Я ожидала дополнительных вопросов, но Никита меня удивил.

Очень удивил.

Так сильно, что я чуть было не решила, что у меня слуховые галлюцинации.

– Чем ты моего отца взяла? – задумчиво пробормотал он, разглядывая меня. – Я сначала думал, что ты – его любовница. Стандартно: директор и секретарша, но нет, ошибся. Я ведь ошибся?

– Д-да, – с ужасом выдохнула я, не в силах представить себя и Бориса Ефимовича. Ужас какой! – Он очень любит вашу маму.

– А если бы любил меньше, ты была бы не против?

– Вы за кого меня принимаете? – возмутилась я, позабыв про то, что мне нужны деньги, и про то, что хотела наладить отношения с этим хамом. – Знаете, мне это надоело!

– Что именно?

– Вы мне тыкаете! – взорвалась я. – Это во-первых. Оскорбляете – это во-вторых. Подозреваете во всяких гадостях – это в-третьих! А еще...

– Поменьше патетики, – прищелкнул Никита Борисович пальцами, явно забавляясь надо мной.

– Вы недостойны управлять этой компанией, зря Борис Ефимович вам ее доверил. Всяким глупостям сплетницы Веры вы доверяете больше, чем собственным глазам и мнению вашего отца, а это о многом говорит! – не собиралась я молчать. – И знаете что?

– Что? – с интересом спросил Никита Борисович.

– Я увольняюсь. Сама. Терпеть я это не намерена. Надеюсь, обойдемся без отработки! Я могу идти?

Глава 3

НИКИТА

– Можете идти. Заявление только напишите.

Надя вышла, хлопнув дверью, и через пару минут принесла лист формата А4, на котором было не написано, а размашисто и зло выгравировано заявление об увольнении по собственному желанию.

Наверное, будь воля этой девицы, она бы дописала еще и: «Будь ты проклят!»

– Я это сделал! – выдохнул я, когда девушка ушла.

Диплом я получил давненько, но помню еще, чему нас учили в универе: если подчиненные пакостят, лентяйничают и занимаются интригами, а не работой – компания развалится.

Потому уход Нади – лучшее, с чего я мог начать руководство компанией. Я еще знаком-то с ней не был, а уже раздражала. Мать все уши прожужжала о наглой секретарше, которую отец отказывается выгонять. Она, а затем и я подозревали банальное – служебный роман.

Невероятно злили отцовские оды «незаменимой Наденьке», которая и умница, и красавица, и просто луч света в темном царстве логистики.

Ну ее!

– Отцу, как перед отъездом придет с коллективом прощаться, скажу, что заболела его радость. А через год он и думать о ней забудет, – уверенно произнес я вслух. – И о сумасшедшей идее о свадьбе.

Работал же два месяца без постоянной секретарши. Да, отец помогал, и стажерки вроде справлялись.

– Разместите вакансию на должность секретаря, – набрал я отдел персонала. – Завтра Надежда придет за документами и расчетом, вакансия свободна.

– Как скажете, – испуганно проблеяли мне в ответ.

Где-то минут пятнадцать все было спокойно – и в работе, и на душе. А потом началось. Вернее, начались.

Звонки, будь они прокляты! Телефон в приемной буквально разрывался, и сначала я бегал из кабинета и обратно, а затем плюнул, и сел за секретарский стол.

– А почему не Надя отвечает? Она вчера написала, что должна выйти с больничного, я потому и звоню, – возмутился начальник отдела логистики «НижТэкЭнерго» – наш постоянный клиент, заказывающий перевозки.

– Я за нее! – процедил. – Надежда здесь больше не работает. Какой у вас вопрос? Я – руководитель компании, и уверен, что справлюсь лучше, чем секретарь.

– Я знаю, что Надя, когда на больничном была, заказала новогодние подарки. Логистам, начальникам отдела, и директорам. Запишите, пожалуйста, что директорский нужно дарить не до праздников, а после пятнадцатого. Михайлов на север уехал, его заменяет Ястрежембский, потому нужен один дополнительный подарок, как для начальника отдела. Нечего временному дарить дорожные шахматы, а то звезду поймает.

Я записал эту информацию. А затем добавил еще одну запись про ассоциацию перевозчиков, которая сделала китайские разрешения для водителей. И от бюро переводов, занимавшихся переводом приложений к правам. Даже с уборщицей поговорил насчет нового графика.

И все, ВСЕ начинали разговор со слов: «Здравствуй, Надюша!»

– И когда эта чертова Надюша все успела? – прорычал я, потирая пульсирующие виски. – Дома же сидела!

Но каким-то образом согласовала и заказала подарки, упаковочную бумагу, связалась с ассоциацией перевозчиков, переслала отделу международной логистики и бухгалтерии изме-

нения в правилах перевозок. А еще занялась правами наших водителей, визами, и еще Бог знает чем.

– Вы правда Надю уволили? – в приемную заглянул Вячеслав, занимающийся декларациями.

Я чуть не зарычал.

– Какой вопрос?

– Доступ к программе заканчивается, оплатить нужно. И девчонки из кадров просили передать, что счет на оплату Хэдхантера отправили. В бухгалтерии Ис тупит, ругаются что айтишника так и не наняли на постоянку, а удаленщика только Надя может заставить начать нормально работать, а не как обычно, – выдал сотрудник. – Мне бы тоже помощника. Может, Хэдхантер оплатите, и не секретаря, а декларанта искать будете? Я не вывожу один, мне итак с третьего января придется работать, а у меня жена и ребенок! И... может, Надю вернете?

– На почту напиши все, что только что сказал, – рыкнул я, чуть не чокнувшись от обилия информации, которая вылилась на меня за три часа.

– Хорошо, и вы это, привыкайте, – прогудел обнаглевший подчиненный. – Надя из дома всеми делами занималась. Как ногу сломала, всем скинула свой номер, и работала удаленно.

– Зачем?

– Так знала, что стажерка-студентка не справится. Она только звонки и переводила по отделам, дуреха. А если бы Надя на работу забила, то вернулась бы в разгар апокалипсиса, – ответил Вячеслав и вышел из приемной: – Я вам на почту все скину, по пунктам распишу.

Телефон снова зазвонил, и я понял, что еще пять минут такой работы – и я его в окно вышвырну.

– Ксения, – я вышел из приемной, – замените сегодня моего секретаря?

– Простите, но у меня много расчетов по перевозкам. Клиенты ждут.

Клиенты ждали всех. Абсолютно все сказали, что они, конечно, могут посидеть на месте секретаря, но тогда их работу выполнять будет некому, потому что скоро Новый Год, и все клиенты как с цепи сорвались. Сотрудники вежливо кивали, вот только смотрели так, будто я убил всех их любимых бабушек.

И только Вера улыбалась, и даже предложила приготовить мне кофе. От которого я отказался, сам не знаю почему.

Вот черт, еще один такой день я не выдержу. Это какой-то кошмар!

– Дайте адрес Надежды, – за пять минут до окончания рабочего дня я зашел в отдел кадров, где мне, как врагу народа, вручили и телефон, и адрес уволенной секретарши.

– Всем хорошего вечера. До завтра, – громко попрощался я, но в ответ получил лишь кивки.

Некоторые сотрудники работают до восьми, а некоторые и до десяти ночи. Да и я сам эти месяцы задерживался, а сегодня тем более нужно было заняться своей, а не только секретарской работой.

Но сейчас у меня есть дело поважнее.

Я купил букет цветов, самый роскошный, который был в магазине, добрался до дома Нади и, выдохнув, и досчитав до трех, позвонил в звонок.

Сначала я услышал девичий смех – звонкий, и второй как колокольчик. Затем дверь открылась, и меня чуть не сшибло с ног ароматом выпечки. И лишь потом я увидел Надю, которая стояла, оперев руки в бока, и грозно смотрела на меня.

– Никита Борисович? – подняла она бровь.

Я по глазам прочитал, что через секунду перед моим носом захлопнут дверь, если я не скажу хоть что-нибудь вместо того, чтобы стоять, и наслаждаться этим убийственно-прекрасным ароматом.

– Добрый вечер, – колокольчиком прозвенело позади Нади, и я обратил внимание на маленькую девочку, стоящую позади Нади, и удивительно на нее похожую.

Те же темные кудри, отдающие красным в свете электричества. И пара веснушек на скулах. И глаза. И на обеих фартуки с изображением знаменитой картины Мунка «Крик».

– Добрый вечер, – вздохнул я, пытаюсь сообразить, как заставить Надю вернуться, но при этом не вставать на колени, унижаясь и моля о прощении. – Надь, могу я войти? Нам нужно поговорить.

– Разве НАМ нужно разговаривать?

Вот вредная женщина! И за что ее отец любит?

– Хорошо. МНЕ нужно с тобой поговорить. Пустишь? Это тебе, – я почти силком заставил Надю принять букет, из-за которого чувствовал себя идиотом.

– Хм, – подняла она бровь, не торопясь впускать меня.

– Мамочка, мы же только плохих дядь не пускаем. Этот плохой? – мини-кудряшка дернула Надю за фартук. – Вы кто?

– Никита, – представился я.

– А я Лизавета, – малышка подарила мне улыбку.

– Проходите, Никита Борисович, – Надя подтолкнула ребенка, и девочка побежала на кухню. – Разувайтесь, закройте дверь, и проходите на кухню.

– Нам бы наедине поговорить.

– На кухню! – повторила Надя, и пошла следом за девочкой.

Повернул защелку, и скинул обувь. Вроде бы с лестницы не спустила, и это хорошо. Но не особо обрадовалась, и это уже плохо. Хотя букет же приняла! И это уже хорошо. Хм, но я всучил его силой, да и девочка на цветы поглядывала... так, ладно, сейчас войду и скажу, чтобы возвращалась!

На кухню я вошел, и застал Надю за расчленением подаренного мной букета.

– Могла бы сказать, что цветы не понравились, – возмутился я. – Демонстрировать не обязательно.

– Их подрезать надо, так дольше простоят, – Надя посмотрела на меня, как... хм, на моего брата Лёху так иногда жена смотрит, когда тот утомляет ее своими шуточками. – Итак, я вас слушаю.

– Мы не с того начали, – с намеком произнес я, наблюдая, как маленькая девочка залезла на стул, взяла миску, и начала там что-то деловито размешивать.

– Зато правильно закончили, – Надя явно не хотела мне помогать, набрала в вазу воду, и начала опускать в нее розы.

– Я погорячился, признаю. Поступил опрометчиво, попросив тебя написать заявление.

– Вы были абсолютно правы, Никита Борисович, – Надя подарила мне улыбку, подошла к девочке, и сказала: – Лиз, щепотку соли добавь.

– Щепотка – это сколько?

– Тремя пальчиками возьми соль... вот, молодец, это и есть щепотка. А теперь продолжай мешать крем. Только мисочку руками придерживай... да, вот так, умничка моя, – она чмокнула девочку в макушку, и та тихо рассмеялась, ластясь к матери.

Кажется, я здесь лишний. Распинаюсь как дурак, а в ответ игнор.

Да любой бы так поступил! Наверное...

Надо с другого бока зайти, точно!

– Надя, я понял, что жестоко лишать человека работы перед праздниками. А у тебя ребенок к тому же, – я кивнул на девочку. – Завтра можешь возвращаться на рабочее место.

– Хм, – Надя заглянула в духовку, выпуская еще одну порцию крышесносного аромата, от которого у меня позорно заурчало в животе. – Вы очень добры, Никита Борисович. И сострадательны.

Повелась! Да я Матерью Терезой буду, только вернись на работу, женщина!

И угости меня тем, что готовится в плите.

– Стараюсь поступать правильно, – кивнул я.

– Теперь я тоже! И знаете, мне совестно стало. Я так ужасно поступала все то время, которое работала на вашего отца, – девушка поджала губы, и скорбно вздохнула. – Вы мне глаза раскрыли, я была жуткой лентяйкой. Зарплату получала просто так, за имитацию бурной деятельности. Нет, я не достойна вашей доброты.

– Я погорячился, – процедил я, подозревая, что кое-кто здесь ломает комедию. – Не до конца разобрался в ситуации, и слова про лень беру назад.

– Нет же! Вы были абсолютно правы, я жуткая лентяйка. Вот даже смотрите, дочка у меня готовит, а я только рядом хожу, – Надя кивнула на Лизу, которая и правда увлеченно мешала что-то густое в миске. – Днем на работе я только и делала, что... хм, а что я делала? Мишуру развешивала, да романчики читала. Еле заставляла себя в офис явиться. Зато теперь я полностью свободна, и могу все время ерундой заниматься. Да и мужиков у нас на работе маловато, коллектив в основном женский, мне не подходит. Ну, вы меня знаете.

Девушка подарила мне ехидную улыбку.

Да как она позволяет себе со мной разговаривать?! Ну сейчас я ей задам, нашлась цаца. Сейчас я... так, стоп, нужно вернуть Надю а не орать на нее. Так что придется засунуть гордость в задницу – туда, куда эту нахалку хочется послать.

– Надя, я признаю, что ты хороший сотрудник. Беру ВСЕ свои слова назад. Все! Готов обсудить финансовую компенсацию. Например, десять процентов к зарплате и повышенную премию к Новому Году. Это выгодно и тебе, и мне, – старался я говорить вежливо, и подкупающе-дружелюбно. – Мы оба взрослые люди, и понимаем, что бывают спорные ситуации. В такую мы и попали. Мне нужен сотрудник, а тебе нужен ребенка содержать. Может, ты вернешься?

– К вам? Ни за что! – фыркнула вредная Надя, достала из духовки противень, кивнула Лизе, которая начала обмазывать булочки кремом. – Подработка у меня есть, булочки, пирожки, торты, печенье и конфеты я делаю, и делаю неплохо. А завтра я иду на собеседование туда, где мне не будут тыкать, и приписывать мне смертные грехи. Но, – девушка подмигнула мне, – я в вас верю, Никита Борисович! Уверена, вы быстро найдете мне замену, а до того времени и сами справитесь. Такой высококлассный специалист как вы...

– Надя, – прорычал я, – я оценил твой сарказм. Я предложил тебе неплохую компенсацию за наш конфликт.

– Но извинений вы мне так и не принесли. И продолжаете мне тыкать! – пожалала плечиком распоясавшаяся секретарша.

К сожалению, бывшая секретарша.

Кстати, странно, чего это я ее на «ты» называю?! Я почти ко всем на «вы» обращаюсь, а эту девушку не могу. И не потому что не уважаю... странно.

– Если я извинюсь, то ты... вы вернетесь?

– Я подумаю, – царственно кивнула она мне, чем взбесила окончательно.

– Мне тут на колени встать? Погорячился, с кем не бывает. Предложил деньги. Могу на пятнадцать процентов зарплату поднять. Могу даже извиниться, а ты... ВЫ подумаете?

– Дяденька, не рычите, съешьте булочку лучше, – Лиза спрыгнула со стульчика, подбежала ко мне, и протянула сдобную сладость, которую я не смог не принять, чтобы ребенка не обидеть.

Но и есть не собирался!

– Я всего лишь думала, что вы умеете признавать ошибки, и искренне просить за них прощения. Но раз извинений я не дождусь, думаю, вам пора. За букет спасибо, завтра заскочу за документами и расчетом.

– Через неделю, не раньше.

– Почему?

– Потому что я так сказал!

Потому что за неделю я тебя верну, Надя. Или даже раньше.

– Как скажете, – девушка поманила меня к выходу, и чуть ли не силком вытолкнула за дверь.

– Ты насчет собеседования говорила. И к кому же ты хочешь устроиться?

– Есть люди, которые меня весьма ценят. Давно предлагали поменять работу, но я только из-за Бориса Ефимовича оставалась, не хотела его бросать, – мило улыбнулась мне Надя. – Всего доброго!

И она захлопнула перед моим носом дверь.

Я посмотрел на горячую булочку, зажатую у меня в пальцах, и хотел уже выбросить ее, но не смог. Откусил, и рот наполнила сладость, но не приторная, а... не знаю, что-то из детства, полузабытое, но навевающее воспоминания о последнем лете, которое я у бабушки в деревне провел.

Булочку я доел, и даже пальцы облизал от крема, плюнув на негигиеничность этого поступка. Всего одна булочка! Лиза воспитанная, хоть одну дала, а Надя... могла бы и с собой завернуть как компенсацию за то, что вышвырнула меня за порог.

Нахалка!

– К нашим клиентам собралась устраиваться, – я усмехнулся, сев за руль, а затем широко улыбнулся. – А вот фиг тебе, Наденька.

Посмотрим, кого выберут наши фирмы-клиенты и партнеры: Надю или проблемы, которые я им могу организовать.

Глава 4

Неделя прошла полная приключений.

Меня давно приглашали сменить работу. Клиенты тонко, а иногда не очень тонко намекали, что с радостью будут ждать меня у себя, вакансия всегда открыта. И отнюдь не всегда секретарская. И вот, отказ за отказом, и все с виноватыми лицами.

– Прости, Надя, надеюсь, ты понимаешь.

Эту фразу я слышала буквально от всех. Сначала я не понимала, а затем... затем мне захотелось кое-кому рога пообломать. Нет, ну каков мерзавец, мстительный засранец – и этого человека вырастил Борис Ефимович?!

Может, Никита от соседа? Это бы все объясняло.

На клиентов я не злилась, понимала их трудности, хотя чего скрывать, было обидно. Ждали меня многие, но в итоге все состроили виноватые лица, и отказали.

– Мамочка, почему ты грустная? – спросила Лиза, которую я усадила в приемной. – Новый Год ведь скоро!

– Я не грустная, а задумчивая, – подмигнула дочке. – Сиди здесь, я скоро. С дивана не вставай, ко взрослым не приставай, если кто-то позовет с собой – не иди, и беги ко мне, я за стеклом.

Указала на кабинет за стеклянной стенкой, в котором мне назначили собеседование. И это не клиент Бориса Ефимовича. Утром я отчаялась, и выложила резюме, хотя не верила, что кто-то пригласит меня на собеседование. Неделя до праздника осталась, кому вообще секретарша нужна?!

Оказалось, что нужна. В том же бизнес-центре, где я работала много лет, всего парой этажей выше.

– Вас ожидают, – пожилая секретарша улыбнулась мне, и указала на кабинет. – За девочкой я присмотрю.

– Спасибо.

С каждым шагом до кабинета я волновалась все сильнее, и сильнее. Эта неделя поубавила мне нервов, но звонки от Никиты Борисовича я продолжала сбрасывать, а затем вообще внесла его в черный список. Гад такой! Пришел, булочку съел, гадостей наговорил и был таков. От мужиков вообще хоть что-то хорошее бывает?! Банальные извинения, например?!

Ну вот неужели сложно сказать: «Я совершил ошибку, в которой раскаиваюсь. Прости меня!»?

– Добрый день, Андрей Павлович, я на собеседование, – произнесла я, войдя в кабинет директора аутсорсинговой компании. – Меня зовут...

– Надежда Осипова. Помню, изучил ваше резюме. Присаживайтесь. Может, чай, кофе? – передо мной сидел молодой, лет тридцати-тридцати пяти светловолосый мужчина. Полные губы трогала легкая улыбка, в глазах лучилась доброжелательность. Симпатичный.

И он мне не тыкал, Боже, какое счастье. И такой контраст!

– Спасибо, но я откажусь.

– Вижу, вы не одна, – кивнул он в сторону приемной, где на диване сидела Лизавета, и болтала ногами. – Не буду отнимать наше общее время, Надежда. Вас я помню, вы сопровождали старика-Дорофеева на форум, а за фуршетом Борис Ефимович всем нам уши прожужжал о том, какая вы замечательная.

– Правда? – смутилась я. – Это несколько странно.

На форумы и выставки я частенько с Борисом Николаевичем ездила. Но ни разу не слышала, чтобы он меня расхваливал. Все же, я секретарша, а не топ-менеджер.

– Хм, не хочу вас оскорбить, но объясню, – Андрей Павлович немного смутился. – Когда мужчина появляется в компании молодой, красивой девушки, и эта девушка ему не жена, сразу возникают подозрения. Некоторые молчат, а некоторые шутят в мужской компании. Вот Дорофеев и кидался на вашу защиту, что вы... ну вы поняли.

– Что я не эскортница, и не любовница, – вздохнула я.

– Именно, – кивнул он. – И самую полную и впечатляющую характеристику на вас я уже получил. Именно на том форуме. Давайте я расскажу про обязанности, обсудим финансовый вопрос, и если вас все устроит, то я по традиции дам вам сутки на то, чтобы обдумать решение. Не люблю, когда кандидаты сгоряча соглашаются, а затем понимают, что зря. Работы у нас много. Итак...

Я слушала Андрея Павловича, и понимала, что соглашусь на эту вакансию. Зарплата выше, чем у меня была. Обещают, что переработок не будет, а для меня из-за Лизы это важно. Обязанностей много, как и на прошлой работе, но я привыкла быть не просто секретарем, а чуть ли не заместителем директора.

– Вижу, вас все устраивает?

– Устраивает.

– Завтра в районе одиннадцати я буду ждать вашего звонка. Обдумайте все как следует, сравните с другими предложениями, и... я вас жду, – улыбнулся Андрей Павлович.

Я поднялась со стула, мужчина тоже, демонстрируя вежливость, по которой я успела соскучиться.

Точно соглашусь! Я бы и сейчас выпалила: «Я согласна!», но раз уж здесь такие традиции... не самые плохие, надо сказать, придется выждать день. На свою первую работу я именно что сгоряча и устроилась, а затем чуть с ума не сошла, когда узнала, что я не девушек-хостес на работу в Китай искала, а кое-кого другого.

Вышла из приемной и, как обычно, умилилась своей красавице-дочери: сидит, рисует, прикусив кончик языка. Присела перед Лизой, та подняла на меня голову, потянулась, и чмокнула в щеку.

– Ты улыбаешься!

– Кажется, я нашла работу.

– Ну вот, – надулась дочка, – все же хорошо было. Хочу, чтобы ты дома была!

– Лиз, я же объясняла, – вздохнула я, помогла дочке прыгнуть с дивана, попрощалась со всеми, и мы вышли из офиса. – Взрослым приходится работать, чтобы были деньги.

– Да я знаю. Но обидно, – пробурчала дочка, и мы вошли в лифт.

– Зайдем-ка в мой старый офис, – сменила я тему, и Лиза радостно закивала – она любила бывать у меня на работе, и Борис Ефимович разрешал мне иногда приводить дочку

Помнится, мне задолжали документы и расчет. И пусть только попробуют не дать. Я, конечно, мягкая, но когда надо умею свое отстоять!

В нашу компанию я вошла в воинственном настроении, которое тут же испарилось из-за кинувшихся ко мне бывших коллег.

– О, Надя!

– Надя пришла!

– Лизок, ты выросла, принцесса.

Всюду слышались приветствия, нас окружили мои бывших коллеги. Из рабочих чатов я вышла сразу, чтобы душу не травить, а во флудилке попросила не обсуждать тему моего ухода, и все поняли, что лучше не приставать ко мне – болезненно это.

– Ты за расчетом? – шепнула Василиса из бухгалтерии. – Наш красавчик сказал, что когда ты придешь, чтобы сразу к нему шла. Вернее, не сказал, а прорычал. Документы твои у него в сейфе.

– И как здесь? – я оглянулась, и заметила, что почти все сотрудники в мыле, как загнанные лошади. Перед Новым Годом обычное дело, особенно у логистов-международников.

– Жуть, – Ксюша приобняла меня, и повела к приемной. – Наш красавчик – пятый всадник Апокалипсиса, чесслово! Таким милашкой казался, а на самом деле демон. Иди к нему, и... возвращайся, Надь!

– Ну Ксю! – нахмурилась я.

– Прости, устраняюсь, – подруга выставила руки в защитном жесте. – Как закончишь с ним, заходи, поболтаем хоть!

Угу, поболтаем. Заодно не помешает высказать своим любимым коллегам за то, что два месяца от меня скрывали, что у нас руководство меняется с нормального на невоспитанное.

– Мы к дедушке Боре? – пролепетала Лиза. – Надо было конфеты взять. Mam, ну вот что мы так!

– Мы не к дедушке Боре, мы...

– Вот козел! – услышала я шипение из приемной, и увидела, что за моим столом сидит... ой, надо же, Верочка!

– Привет, – улыбнулась я. – А ты почему здесь?

– Потому что побольше тебя достойна! – рявкнула она. – И не помню, чтобы тебе назначали встречу. Никита Борисович занят!

Я окинула Веру внимательным взглядом, и поняла про себя, что доброты мне не хватает. Измотанная, поникшая, того и гляди нервный тик начнется – вот, как Вера выглядела. На столе кавардак, все бумаги валяются, а не разложены в столе и в шкафу. В углу, где разложены подарки для клиентов, бумага и ленты, вообще тихий ужас. Вот только я не сочувствовала ни капельки.

– Нормально дела не смогла передать, – прошипела Вера. – Из-за тебя все! Позлорадствовать пришла?

– Уволиться пришла окончательно. Скажи Никите Борисовичу.

– Нет! Занят он!

Вот вредная. С первого класса такой была.

Мы могли бы спорить до бесконечности, но Лиза решила все за нас обеих. Позабыв про то, что я сказала, что мы не к Борису Ефимовичу, она открыла дверь в директорский кабинет, и пролепетала:

– Деда Боря, мы с мамой к вам... ой!

– Привет, Лизавета, – услышала я низкий, полный предвкушения, от которого у меня внутри все перевернулось, голос. – Позови, пожалуйста, свою маму. И заходи сама, в приемной я тебя не оставляю. Некоторым не то что ребенка, канцелярию нельзя доверить!

Вера сжала кулаки, а я чуть не рассмеялась. Никита Борисович та еще изысканная сволочь, но хоть не мне одной этот подарочек достался. Я подмигнула Вере, и вошла в кабинет, а затем прикрыла дверь.

– Здравствуйте, я за расчетом, – сказала я, и удивилась – куда делся красавчик, которого я запомнила?

За директорским столом сидел помятый, измотанный мужчина, который явно не спал несколько дней. И в глазах его непрозрачный, тяжеловесный упрек, адресованный мне.

Лиза оббежала директорский стол, и подпрыгнула, заглядывая чем таким интересным занят Никита свет-Борисович.

Подозреваю, что ничем интересным. И вряд ли чем-то полезным.

– Лиза, – я покачала головой, намекая, что недовольна ее любопытством, которое Борис Ефимович поощрял, а от этого хама я ничего хорошего не жду.

– Вот. Дяденька, – дочка подергала Никиту, отвлекая его с меня на себя. – Натэ!

Теперь уже я сама подошла к столу, и с любопытством посмотрела, что такое пытается вручить Никите моя Лиза.

Ну разумеется! Лиза в своем репертуаре. На ее ладошке лежала слегка помятая из-за того, что подтаяла, конфета в серебристой фольге.

– Спасибо, зайчонок, – Никита произнес это неожиданно тепло, хоть и устало. Взял конфету, а затем поправил моей малышке локон, заправив его за ухо.

– В следующий раз побольше принесем, – серьезно пообещала дочка. – А где деда Боря?

– Лиз, я тебе говорила. Он здесь больше не работает. Иди сюда, – я поманила дочку, и через пару секунд усадила на небольшой диван, с одной стороны заваленный документами. – Итак, – я подошла, села напротив Никиты, – я за расчетом и документами.

– Возвращайся. Хватит уже, не найдешь ты работу, – он потер глаза, и мне на секунду стало жаль этого бестолкового мужчину – это ж надо за такой короткий срок так себя угробить?!

А затем мое сочувствие улетучилось. Вспомнила предыдущие дни, в которые бегала с собеседования на собеседование, и чувствовала себя неудачницей. Пока не поняла в чем дело.

– Вы даже не скрываете, что приложили к этому руку?

– Не скрываю, – нагло заявил Никита, развернул конфету, и отправил себе в рот.

Зажмурился аж от удовольствия, вы посмотрите на него!

– И не стыдно вам?

– Ни капельки, не стыдно. Ты мне самому нужна. Возвращайся уже, иначе меня за убийство посадят, – он кивнул на дверь. – За убийство временной секретарши. Я уже близок к тому, чтобы взять грех на душу. А виновата ты будешь.

– Я, если посмотреть, вообще во всем у вас виновата! – искренне возмутилась я.

– Так и есть, – Никита хмыкнул. – Французы говорят: «Шерше ля фам». В любых происшествиях так или иначе виноваты женщины. Очень жизненно.

– Очень несправедливо. Совести нет ни у вас, ни у французов, – я не знала, смеяться мне или злиться.

Организовал мне волчий билет, и даже не скрывает. Я в шоке от этого мужчины!

– Совести у меня нет, Надя. И нормальной секретарши тоже. Вернись, пожалуйста, не могу я больше, – взмолился он. – Проси, что хочешь, на все готов!

Так искренне прозвучало, что я ступевалась. Мужчина старше меня, а ведет себя... ну как мальчишка он себя ведет! Это же они обычно набедокурят, и не со зла, а потому что иначе не могут. Может, я тоже погорячилась?

– К тому же, работу ты не нашла, – закончил Никита с улыбкой.

И, как часто делают мужчины, все испортил одной фразой.

– Нашла. Завтра выхожу, – процедила я. – Отличная работа, вежливое начальство, достойный оклад. Пару дней постажируюсь, а после новогодних праздников устроюсь. Так-то!

– Вранье! – нахмурился Никита.

– Плохо старались. Надо было рассылку сделать по всем компаниям, в дабл гисе список взять, и даже по пивнушкам разослать, что нельзя меня на работу брать. Эх вы, Никита Борисович! – не удержалась я от подначки. – Так что давайте уже разойдемся.

– Надя...

Никита сузил глаза, резко поднялся с кресла, и навис надо мной.

И дверь открылась.

– Деда Боря! – завопила Лиза, и я услышала топот.

– Иди ко мне, красавица. Ух, подросла. Скоро совсем большая будешь. Надюша, – я обернулась, и увидела Бориса Ефимовича, на котором повисла моя Лиза, – а я попрощаться заскочил, вечером уезжаем. А вы тут чем занимаетесь? – бывший шеф хитро оглядел нас с Никитой, а затем нахмурился. – Почему Вера в приемной? И почему здесь такой бардак?

– Папа...

– Уволилась я, – вздохнув, призналась. – Вот, пришла за документами.

– Ну-ка, принцесса, – Борис Николаевич усадил Лизу на диван, – дай нам пять минут, а потом я тебе подарок отдам лично. Не дуйся, – он ущипнул дочку за нос, а затем поманил меня: – Надя, пойдем-ка в приемную. А ты за ребенком присмотри, сынок, – кивнул он Никите, которого окинул недобрый взглядом.

Ох, ну вот почему я чувствую себя виноватой? Плетусь за Борисом Ефимовичем, и чувствую себя школьницей, с которой воспитательную беседу будут проводить.

– Вера, будь добра, погуляй минут десять. Иди! – приказал Борис Ефимович Верочке.

Та стрельнула в меня дулами-глазами, но спорить не стала – вышла.

– Уволил?

– Сама ушла, – я отвела взгляд. – Вы на пенсию, нечего мне здесь больше делать. Это было мое решение.

Борис Николаевич сел на край моего бывшего стола, и понимающе усмехнулся:

– Никита не подарок у меня. Что, успел нервы тебе вытрепать? – я слабо кивнула, но ответа от меня и не ждали. – Он не хотел компанией руководить, логистика для него – скука смертная. Мать умоляла мое место занять, да сын и сам видит, что мне уже тяжело. Наденька, – Борис Ефимович умоляюще посмотрел на меня, – может, останешься? Хотя на время, на пару месяцев бы. Я Никите помогал, дела передал, но один он работать не готов. Характер у сына так себе. Побудь с ним хоть пару месяцев.

Камень на совести стал весить еще больше. Ну зачем вы так, Борис Ефимович?! Вас я люблю, а сын у вас – тот еще гад. Даже просит остаться так нагло!

– Я работу нашла уже, – опустила я глаза на сцепленные в замок ладони. – Завтра выхожу. Не обижайтесь на меня!

Борис Ефимович погладил меня по щеке, открыл дверь в кабинет, и пропустил меня внутрь. Хулиганка Лиза уже забралась к Никите на колени, и что-то увлеченно ему рассказывала, путая окончания слов.

– Лиза, идем, я же тебе подарок обещал, – Борис Ефимович позвал мою малышку, та захлопала в ладони, прыгнула с коленей Никиты, и подбежала к моему старому шефу.

– Что за подарок? – весело спросила она.

– Идем, – шеф подтолкнул Лизу к выходу, обернулся к нам, и произнес: – Никита, верни Надю. Что хочешь предлагай, желательно руку и сердце, но пока вы нормально не поговорите, я вас не выпущу. Все праздники взаперти будете сидеть!

Борис Ефимович захлопнул дверь, раздалось четыре шелчка.

Нас заперли!

– Руку и сердце, – растерянно повторила я слова шефа.

– Я и на это уже готов, – мрачно произнес Никита.

Он говорил, что готов убить Верочку?

А вот я готова убить его самого за все эти фразочки!

– Откройте! – забарабанила в дверь. – Борис Ефимович, откройте немедленно!

– Не откроет, – флегматично произнес Никита, и был прав.

Не открыл.

– Миритесь! Мне скандалы не нужны. А мы с Лизанькой пойдем какао пить, да, принцесса?

– Да, – услышала я звонкий голосок дочурки. – Мам, мы тебе тоже принесем. И дяде Киту тоже принесем!

Что отец, что сын – совести у обоих нет! А я еще Бориса Ефимовича покрывала!

– У вас должен быть ключ от двери. Может, откроете? – сузила я глаза, стараясь остаться в рамках истлевающей вежливости. – Или, может, выломаете дверь?

– Зачем? У меня работы до фига, Надя, – с ядовитой ухмылкой произнес Никита. – Некогда мне ключ искать. А двери ломать в своей компании я не собираюсь, нужно учиться быть хозяйственным. Ты куда-то спешишь?

Он специально меня доводит, нужно помнить об этом. Помнить, и не поддаваться. Вот правильно я про Никиту подумала – изысканная сволочь.

– Не спешу, – мило улыбнулась я. – Вы говорили о браке, или я ослышалась?

– Не ослышалась. Все, что хочешь, только вернись! – заявил Никита, перестав строить из себя надменного мерзавца.

– Всю жизнь о таком предложении мечтала.

– Соглашайся, – подмигнул мужчина.

Нет, он точно издевается! Только мужчины могут легко бросаться подобными предложениями... а потом легко брать слова обратно.

А не наказать ли мне его, хм?!

– А если я соглашусь? Вот возьму, и поймаю вас на слове, и объявлю всем вокруг, что я – ваша невеста?

– Я абсолютно серьезен. Надя, правда, готов на все, – Никита либо от недосыпа слегка сошел с ума, либо употребил отцовский коньячок – иначе я объяснить это не могу. – Отец не зря тебя мне сватал. Это его высказывание не первое. Я, конечно, не так планировал жениться... да я вообще не особо планировал, но если ты захочешь, то...

– То мы поженимся, и я сяду дома, – ласково улыбнулась я. – Муж бизнесмен, с чего вдруг жена будет секретарем работать? О репутации нужно заботиться.

– А я тебя замом сделаю. Или еще кем.

– А я не захочу. Дома буду сидеть, монограммы вышивать, рубашки, а вы работайте на здоровье, – подмигнула я. – Свадьба – мероприятие важное. Платье выбрать, список гостей составить, придумать тему... как вам Элвис и Присцилла? Или лучше Джон и Дейнерис? Хотя, Дейнерис из меня никакая, скорее Игритт.

– Ты о чем? – кажется, мне удалось пронять Никиту – нахмурился, смотрит на меня, как на чокнутую, чего я и добивалась.

– О нашей свадьбе, конечно!

– Так не пойдет, – покачал он головой.

– Вот именно! Не пойдет! Вы правда не понимаете, чего я хочу? – нахмурилась я.

Никита смотрел на меня большими глазами. Красивый мужик, но из-за усталости выглядит – краше в гроб кладут. И, видимо, из-за этой усталости и не понимает, о чем мы речь ведем.

Или потому что дурак. Наслышана я про похождения этого красавчика. То с моделями в клубе, то гонки в Монте-Карло, то вдруг открывает автомастерскую и сам машины ремонтирует. Человек-оркестр, блин.

Или оркестровая яма.

– Да ну вас, баб! – рыкнул он вдруг, и саданул по столу кулаком. – Ну вспылел, да, облажался. Так пришел же, с венком этим, с предложением как возместить ущерб. Отец про свадьбу пел, а кто его надоумил? Точно не мать. Я и жениться готов, хотя это уже за гранью, но понимаю, что здесь с ума сойду. Мне войну объявили, приказы выполняют дословно и получается лажа, а не работа. Все вокруг обожают Наденьку – сотрудники, клиенты, родной отец. Так я жениться готов! Что еще-то?

– Искренние извинения за хамство, – холодно произнесла я. – Этого было бы вполне достаточно! Я не английская королева. Всякое бывает. И можно просто извиниться. Словами через рот. А жениться я вам на Верочке желаю!

Я встала, не желая оставаться здесь больше и минуты. Вот сейчас возьму, и сама эту дверь выбью, или хоть попытаюсь. Выбью я не дверь, а свое плечо, но лучше так, чем терпеть этого нахала. Его будто в лесу воспитывали.

– Ладно, – меня вдруг обхватили сильные руки, не дав дойти до двери. – Ладно, извини. У меня характер дерьмовый, это семейное. Я психанул, не хотел компанию возглавлять, но мать меня с ума свела рассказами, как папа себя гробит. А тут еще ты. Накосячил, Надь, но ты меня достаточно наказала.

– Я вас не наказывала.

– Разве? – Никита все еще держит меня за плечи, греет их своими большими ладонями. И устало шепчет: – Я не сразу решил клиентам запретить тебя брать. Вернее, подумал об этом сразу, но передумал, хотел честно играть. Утром на работу пришел, а тут диверсия от коллектива. Твоих ведь рук дело? Они на меня волками смотрят, вроде работают, но результат ужасный. Вот я и ответил. Подговорила, признайся?

Ох, еще и в этом я виновата. Курс рубля, думаю, тоже из-за меня рухнул. Как и Советский Союз.

Ужасный я человек!

– Просто меня любят в коллективе. Никита Борисович, – я подняла на него глаза, – у вас и правда дерьмовый характер. И извиняться вы не умеете совершенно! Но попытка засчитана, второго извинения я не переживу. Давайте так: завтра у меня начинается стажировка, и проходить она будет здесь. В какой компании – не скажу, не доверяю я вам. Но...

– Но?

Ох, ну я и слабачка. Мне бы фигу этому красавчику показать, но я просто не могу смотреть на то, во что превращается компания. Я, конечно, не управленец от Бога. Может, с другой компанией я бы вообще не справилась, но эту я досконально знаю. И люблю. А она за неделю накренилась, как Пизанская башня, и того и гляди рухнет.

– Я помогу вам наладить работу, – вдохнула я. – Вечерами. Я до пяти работаю, Лиза два дня у моей мамы будет. И я могу вам помочь.

– Обедаем вместе. Вечерами ты моя. И на праздники тоже, – нагло заявил Никита Борисович. – Не спеши спорить, родители уезжают, мне за их домом и дачей следить. Лизе там понравится, ты поможешь мне с компанией, и, может, надумаешь вернуться. А я извинюсь как следует!

– Извинились уже, – мрачно ответила я. – Мне хватило!

– Словами я дерьмово извиняюсь, а вот делами – ты удивись, – подмигнул мужчина, и дверь открылась.

– О, вижу вы помирились? – хитро произнес Борис Ефимович.

За его спиной стояла Лиза. Над губой у дочурки были потешные шоколадные усы, а в руках она держала два картонных стаканчика с какао.

– Мы пришли! И какао принесли. Будете? – щедро предложила Лиза.

Глава 5

– Ну и как новая работа? – поинтересовалась Ксюша на следующий день.

– Вникаю. Вы Никиту Борисовича терроризировать прекратили?

Мне и приятно такая верность от коллег, и немного совесть грызет. Есть у меня странная особенность: вот не просила я мстить за меня, даже не знала об этом, но такое ощущение, что именно я всех и подговорила. Или дала понять, подала знаки, что нужно Никиту проучить.

Вчера днем я высказалась в нашей флудилке, чтобы прекращали безобразничать. Никита молодой еще, доведут мужика до инфаркта, а мне потом мучиться совестью.

– Прекратили. И с радостью, – хихикнула Ксю. – Ты чего так оглядываешься?

– Босса жду.

– В кафе? – удивилась подруга. – Ты со своим новым шефом закрутить успела? Ну даешь, подруга!

Я лишь вздохнула.

Жду я не нового шефа, который и правда симпатичный, вежливый, коммуникабельный и вообще мечта, а не мужик.

Жду я как раз-таки Никиту, который тоже симпатичный, и это все его достоинства. Даже симпатичность поистрепалась за последние дни.

– Не волнуйся, больше Никиту изводить не станем, – Ксюша поставила на поднос салат, и мы пошли дальше. – Ради тебя все затеяли, надеялись, что вернет тебя. А некоторые за свои шкурки испугались, потому в месть включились. Раз уж тебя вынудил уйти, то может и до других добраться. Но он вроде понял все.

– Он понял! – уверенно произнесла я, этой самой уверенности не чувствуя.

Как Борис Ефимович мог оставить компанию тому, кому эта компания не нужна? Это как мне доверили бы быть командиром полка – ну не лежит у меня душа к такому, я бы всё развалила.

– Наши девчонки с радостью прекратили войну. Теперь ставки делают... ты читала флудилку?

– Нет, а что там?

– Там новое поле сражений, – ухмыльнулась подруга. – Никита у нас красавчик, да еще и при бабках. Все незамужние, и даже некоторые замужние включились в битву за его сердце. Даже Верунчик.

– Она же с Сережей!

– Ой, да брось. Все знают, зачем ей Серый нужен был – тебя уязвить. А ты балласт скинула, живешь и радуешься. Да и он продолжает таскаться за тобой, чем Верочку бесит, – Ксюша фыркнула, выражая отношение к моей личной жизни. – Вера вроде как временно секретаря заменяет, но хочет постоянно закрепиться. Всем нам заявила, что на корпоративе она Никиту соблазнит. Но не только она в гонке. Корпоратив обещает быть веселым.

Помнится, Вера вчера шипела гадости про Никиту Борисовича, и вдруг решила его окрутить?!

Мне даже как-то тревожно стало за Никиту. Вот явится человек на корпоратив, захочет коллектив поздравить, отношения наладить, а его наши дамочки напоят высокоградусным зельем, и используют по прямому назначению.

Может, посоветовать ему охрану нанять?

– Я тоже в деле, – подмигнула Ксюша. – Кто-то ради денег, кто-то из-за внешности, а мне его сволочизм нравится. Всегда таких любила.

– У Никиты нет шансов, – я не смогла не рассмеяться.

Бедный мужик. Хотя... он же готов был жениться ДАЖЕ НА МНЕ! Или как он там сказал? Что-то гадкое. Вроде извинился, но такое чувство, что еще сильнее оскорбил.

– О, – Ксюша присвистнула, когда мы стояли на кассе, и расплачивались, – наш красавчик здесь. Хм, что он делает в недорогой кафешке? И почему он машет нам... или тебе?

Подруга уставилась на меня, как на вражину.

– Мы договорились вместе пообедать. Ничего такого, – поспешила я добавить, – я на его сердце и прочие органы не претендую. Просто немного помогу с компанией. Я-то лучше знаю внутреннюю кухню.

– Хм, – Ксюша нахмурилась, а затем натянуто улыбнулась. – Ну ладно. Только имей в виду: ради тебя все наши забыли о своей симпатии к новому шефу. Ты сама попросила войну прекратить, и если бы не просьба, мы бы продолжали. С тебя причитается, Надь. Закрутишь с ним – не простят!

– Можете быть спокойны, – фыркнула я, и пошла к столику, за которым устроился Никита.

Вспомнилось первое впечатление о нем: красивее мужика я не видела! Вернее, красивее есть, если судить объективно – оффотошопленные модели на страницах журналов и на билбордах, но на мой вкус они слишком слащавые. Я же всегда любила чуть грубоватую красоту.

Вот только сволочизм, как выразилась Ксюша, испортил все. Некоторые девочки любят плохих мальчиков, но я не из их числа. В школе я тихо и безответно любила мальчика-отличника из параллельного класса, а затем появился Сережа, который ни разу не байкер и не тусовщик.

– Привет, – улыбнулся мне Никита. – Зря отказалась от нормального ресторана.

– А вы сноб. И по-прежнему мне тыкаете, – я села напротив Никиты, который и не подумал купить обед, и начала расставлять тарелки: салат, борщ и блюдце с гренками.

– Можешь тоже ко мне на «ты», – разрешил мужчина, и так снисходительно это прозвучало, что... что слов нет.

Почему он продолжает меня бесить?! Или я придумываю?

– Кстати, у тебя нет с собой конфет, а? – Никита продолжил меня шокировать. – И куда ты устроилась?

– А может, о работе поговорим? Вам подарки нужно разослать, только сначала упаковать их. Это важно, нельзя портить отношения с клиентами. Вот список, – я достала из сумочки лист бумаги. – Здесь расписано что и кому дарить. Наши девочки-логисты знают всех этих людей. Пусть Вера упакует подарки, и завтра после обеда начните развозить.

– У Веры руки из задницы растут, – отмахнулся Никита. – Не надумала вернуться?

Я покачала головой. Мне чертовски непривычно на новом месте, все чужие, но со временем я привыкну. Наверное.

– Жаль. С подарками начнем разбираться вечером. У меня вопросы по персоналу, – заговорил Никита, и взглянул мне за спину. – Андрей?

– Ник? – услышала я, и обернулась – позади стоял мой новый босс, и едко улыбался моему старому боссу. – Что, дела туго идут, раз здесь обедаешь? Увидел тебя, и глазам не поверил, вот подошел чтобы удостовериться.

– Моя девушка предпочитает обедать здесь, – процедил Никита, встал, и пожал руку Андрею Павловичу.

Это рукопожатие больше на армрестлинг похоже, ужас.

– Твоя девушка? Вот так новость, – нахмурился Андрей Павлович. – Надя, не знал, что вы в отношениях.

Я тоже не знала, не поверите!

Сижу, смотрю то на одного мужчину, то на второго, и не знаю, что сказать.

Вскакивать, топтать ногами, и заявлять, что это наглая ложь – глупо. Но ладони так и чешутся надавать кое-кому пощечин. Вот зачем Никита комедию ломает?!

– А с чего бы моя Надя стала тебе рассказывать, с кем встречается? – Никита изогнул бровь. – Она на отца работала, теперь компания моя. У нас вышла размолвка, вот Надя и ушла. К тебе, мой не слишком юный друг. Бизнес у тебя так себе, зато моя девочка близко ко мне будет, пока не переберется. Да и ты – скучный тип, я могу быть спокоен, и не ревновать. Такой ответ устроит?

У меня аж уши заложило от злости.

Вот ведь... нет, не сволочь. Мудак! Разузнал, куда я устроилась. Да я и сама хороша, сама сказала, что близко, и буду помогать. Выдала себя. Помощница, блин!

Ну ладно я, дура доверчивая, но Никита!!!

– Как вам не стыдно? – прошипела.

– Мы не на работе. Называй меня на «ты», – подмигнул он.

Интересно, а драка в общественном месте – это статья в административном или уголовном кодексе?!

Гад неблагодарный!

– Надя, можно вас на минутку, я не отниму много времени, – обратился ко мне Андрей Павлович.

– Нельзя! – заявил Никита.

– Можно! – я встала из-за стола, и пошла за новым шефом. А ладони в кулаки сжала, а то очень уж хотелось поступить, как подростку, и показать Никите средний палец.

Я должна быть спокойна. Уверять, что Никита соврал – глупо, да и Андрея Павловича не должно касаться с кем я встречаюсь. Компании не конкурируют между собой, секретов я не выдам.

Я выдохнула, успокоив себя. Действительно ведь ничего страшного не произошло. Даже странно, что новый шеф вдруг рассердился на меня, и решил поговорить.

– Надя, – мы остановились у кадки с искусственной пальмой, Андрей Павлович взглянул на меня, нахмурившись, – вы должны были сказать мне.

– Не сочтите за хамство, но нет, не должна была, – вздохнула я.

– Разве? – искренне удивился Андрей Павлович. – Я постоянного сотрудника ищу, не временного. Вас Тоня отстажирует, дела передаст, и на пенсию уйдет. Я много лет с ней бок о бок провел. Для меня моя компания важна, и я не хочу ждать того момента, когда вы с этим... с Дорофеевым-младшим помиритесь, и вы мне ручкой помашете. А ведь так и будет!

Мне стало стыдно. Отчитывает как девчонку, а ведь я не виновата ни в чем. Это чертов Никита как появился в моей жизни, так и грянул апокалипсис. А ведь как я хорошо жила до нашей встречи, каждый день был предсказуем, а теперь сюрприз на сюрпризе.

– Я вас не подведу. Работу и личную жизнь я разделять умею.

– Надя, насчет стажировки...

Боже, сейчас Андрей Павлович скажет, чтобы я проваливала, точно скажет!

– Мне нужна эта работа! – решила я перебить шефа, который с каждой секундой мрачнел все сильнее, и сильнее. Да что не так?!

Что не так я почувствовала через мгновение. И это «не так» выразалось в сильной руке, приобнявшей меня за талию. И в знакомом древесном парфюме, окутавшем меня.

– Ты заставляешь меня скучать, – промурлыкал Никита.

Чтоб тебя Верочка на корпоративе изнасиловала! Я-то, дурочка, еще думала – намекнуть или нет о готовящейся атаке на честь Никиты.

– Насчет стажировки, – Андрей Павлович сменил гнев на милость, и тепло мне улыбнулся. – Предлагаю ее сократить, как и испытательный срок. До окончания праздников, Надя.

О такой помощнице можно только мечтать. Прости, Ник, но я чертовски рад, что вы поругались, и твоё стало моим.

– К «моему» руки тянуть не советую, – Никита жутковато улыбнулся, а я поняла, что с меня хватит.

Втянули в балаган! Говорят обо мне, как о вещи какой-то. Еще и Никита этот – свин неблагодарный. Он точно не в Бориса Ефимовича пошел, а в соседа-проходимца.

Наверное, нужно было все же сказать, что Никита пошутил насчет нас, а я боялась глупой показаться. Но теперь-то уже поздно. А жаль.

– Я сама решу, где и с кем мне работать, дорогой, – я «мило и ласково» улыбнулась Никите.

– Надя, как только вернетесь с обеда, жду вас у себя. Мне не терпится узнать вас поближе, – Андрей Павлович кивнул мне, развернулся, и направился к выходу.

А Никита рванул было следом, но я вцепилась в его талию:

– Не смейте! – прошипела. – Вы что себе позволяете?

– Я просто поговорю с ним, пусти...

– Нет. Лучше со мной поговорите, – я со всей силы ущипнула мужчину за живот, так что он зашипел, но хоть угомонился. – Вы меня о помощи попросили. Извинялись. Кошмарно, конечно, но просили прощения. А теперь снова за старое? Узнали ведь, куда я устроилась, и решили мне жизнь испортить?

– Идем, – Никита потянул меня за наш столик, выдвинул стул передо мной, а затем опустился напротив. – Да, я узнал, к кому ты устроилась.

– Вы подлец!

– Что есть, то есть, – усмехнулся Никита. – А ты вообще в курсе, к кому ты устроилась? Андрея я хорошо знаю.

– Он замечательный человек.

– Он бабник.

– А сами-то, – фыркнула я, вспомнив все, что слышала про Никиту.

– Не без этого. Но я хорошеньким сотрудницам ультиматумы не ставлю: либо кровать и премия, либо увольнение по статье. Кажется, трех девушек он уволил, может и больше. Одна даже в суд обращалась, да только проиграла.

– Бред какой-то, – отмахнулась я.

Был бы Андрей Павлович таким засранцем, у него бы не работала секретарша предпенсионного возраста. Давно бы сменил на молоденькую. Да и в коллективе я негатива не заметила. За половину дня многого не узнать, я и по именам мало кого запомнить успела, но не выглядят девчонки закошмаренными.

– К сожалению нет. Не бред, Надя. Прости за это представление, но пусть Андрей думает, что есть человек, который может за тебя заступиться, – Никита легко мне улыбнулся. – И давай-ка возвращайся ко мне.

– Да вы же меня обманываете. Андрея Павловича оболгали, чтобы я к вам в компанию вернулась, – ахнула я. – Это уже слишком.

– Надя, – Никита накрыл мои руки ладонями, не позволяя подняться со стула, – ты плохое место выбрала в качестве новой работы. Я далеко не ангел, но я и не скрывал этого. И то, что Андрей творит, я не одобряю. А на тебя он явно глаз положил. Головой-то подумай, нужны ли тебе такие проблемы. Ты такая...

– Какая?

– Мягкая. Ты, Надя, абсолютный наивняк, – усмехнулся мужчина. – Таких Красных Шапочек просто обожают Серые Волки. А ты поймешь, что перед тобой волк, а не добрая бабушка, в самый последний момент. Давай мы вместе поднимемся к Андрею, и я сам укажу ему место, в которое он может идти, а ты соберешь вещи. Уж прости, но в обиду я тебя не дам.

– Если мы о сказочных персонажах, то Серый Волк здесь именно вы, – я вырвала руки из хватки, встала, схватила одежду с вешалки, и пошла к выходу.

Глава 6

– Итак, Надя...

Андрей Павлович барабанит пальцами по столу, но не нервно, а задумчиво. Смотрит на меня в упор. Раньше бы я смутилась от подобного внимания, когда была юной девицей, а сейчас я уже не совсем юная.

И далеко не девица.

Потому ответила шефу точно таким-же взглядом, пытаюсь сдержать смехок. Сидим, играем в гляделки, как школьники.

– О чем вы хотели поговорить?

– Я вам симпатизирую, – мягко улыбнулся мужчина. – Не подумайте лишнего только. Вас я на конференциях видел, пригляделся.

– Это на тех, где меня обсуждали, как эскорт?

– Это было лишь однажды, – хмыкнул Андрей Павлович. – Ваш престарелый рыцарь защитил вашу честь, а потом я и сам увидел, как и остальные. Насколько вы сдержанная и исполнительная. И насколько вы преданная. Потому вы мне симпатичны, и я искренне хочу помочь.

– Спасибо, – растерянно ответила я.

Помог ведь уже – на работу взял. С остальным я и сама справлюсь, не маленькая уже. Да и не так уж много у меня проблем.

– На вашем месте я бы не стал встречаться с таким человеком, как Никита – это мой вам совет, – выдал босс.

– Я бы удивилась, если бы стали. Я за толерантность, конечно, но...

– Вы поняли, о чем я, Надя, – перебил Андрей Павлович.

– Разумеется, я поняла, – кивнула. – Вот только личная жизнь на то и личная. Я не люблю выносить ее в общественное поле, тем более, простите, обсуждать с плохо знакомыми мне людьми.

Дура я, дура. Надо, все же, было сразу сказать, что Никита солгал, и вовсе я не его девушка, или невеста, или кем он меня назвал?!

– Это вы мне так намекаете, что я влез не в свое дело?

Я собралась с духом, и кивнула. Он, конечно, босс, но лучше сразу обозначить границы. Пусть обидится, пусть даже выгонит, но все лучше, чем позволять в душу влезать. Мне одного нарушителя границ хватило – явился в грязных ботинках, потоптался как мог, втянул в историю, и вот она я, сижу и пытаюсь доходчиво дать понять человеку, чтобы он шел к черту.

– А я, все же, влезу, – нахмурился Андрей Павлович. – Вы – девушка Никиты, так?

– Так, – мрачно призналась я.

– А вы в курсе, что на прошлой неделе он прекрасно проводил время с девушками другого порядка? Я видел его в одном известном в узких кругах клубе, и он был не один, – мужчина подарил мне сочувственную улыбку. – К таким девушкам, конечно, не ревнуют, они одноразовые, но вам следует знать.

Будто я не знала, что Никита – бабник! Пффф, тоже мне, новость, но... неприятно. Вот пожелала я, чтобы Верочка его на корпоративе обесчестила, а теперь мне кажется, что ему этот процесс еще и удовольствие доставит.

– Спасибо, что просветили. Мы были в ссоре.

– У вас была длительная ссора? – Андрей Павлович бросил на меня внимательный взгляд. – Две недели назад я тоже встречал Ника, и он, опять же, был не один, а...

– Я поняла, – кивнула спокойно, сдерживая недовольство. Наверное, это потому, что всюду этот чертов Никита, вот я и бешусь. – У нас с ним такие отношения. Меня устраивает. Но спасибо, что просветили.

Не могу понять, Андрей Павлович сейчас себя не по-мужски ведет, или он и правда желает мне добра, и потому пытается глаза открыть?!

– Вас устраивают измены? – мужчина удивленно уставился на меня. – Надя, вы, видимо, не понимаете! Я правда вам добра желаю, вы в говнюка вляпались. Давненько я Никиту знаю, и знакомству этому я не рад. Моя сестра по нему с ума сходила со школы, учились они вместе. Он лишь насмеялся над Лидочкой, но она, глупая, за ним и в университет пошла, чтобы поближе быть. Он попользовался ею, и бросил. Счет они вели, у кого сколько девчонок в кровати побывает за семестр. Про чувства Лиды Ник знал прекрасно, и ответил на них на одну ночь, когда понял, что может не выиграть. А наутро доходчиво объяснил моей сестре, чтобы шла на выход, второй раз уже скучно, и в общий зачет не идет. Она до сих пор в себя прийти не может от унижения.

Я нахмурилась, наблюдая за взволнованным Андреем Павловичем. Неужели Никита потому оговорил его, чтобы я не узнала эту гадкую историю?

Но, с другой стороны, Никита давно выпустился из универа, и сам уже не юноша. Значит, и Лида эта тоже взрослая женщина, и до сих пор не может отойти?!

– Лида все еще любит его, – Андрей Павлович правильно оценил мое выражение лица. – Я бы не стал вмешиваться в чужие отношения просто так, но скажу еще раз – вы мне симпатичны. И достойны большего. Никита не умеет любить, и искренним он не бывает. Вас он использует, советую подумать, для чего вы могли ему понадобиться, а затем оборвать все связи. И... вы можете идти, Надя.

Я вышла, села за секретарский стол, и принялась за работу. До вечера я отложила то, что узнала, в дальний ящик сознания, а вот когда вошла в лифт после окончания рабочего дня, вспомнила.

Палец дрогнул, хотела по привычке нажать на этаж, где работала раньше. Я ведь обещала помочь, меня ждут!

«Компания не развалится, если я не помогу Никите. Он своими фокусами не помощь заслужил, а пощечину» – мысленно сказала я сама себе, и нажала на кнопку первого этажа.

Вышла из лифта, и взглянула на часы – семнадцать ноль семь. Если за восемь минут дойду до остановки, то успею на маршрутку, и доеду без пробок.

– Так и знал, что сбежишь, – услышала я за спиной знакомый голос. – Ну что, Красная Шапочка, идем ужинать? У меня на тебя грандиозные планы.

– Я...

Обернулась к Никите, который выглядит как всегда – наглый, насмешливый и еще более уставший.

– Надеюсь, ты уволилась? – перебил он, приобнял меня за талию, и повел к выходу из бизнес-центра. – Нет? Глупо. Думал, ты умная девочка. Ну ничего, я за тобой присмотрю. А сейчас на парковку, я дико проголодался, мне еще половину ночи работать из-за того, что я сейчас ушел. А все, чтобы тебя перехватить. Цени!

НИКИТА

– Заказывай, что хочешь, – кивнул Наде, и устало откинулся на спинку стула.

Привез ее не в самый любимый, а в самый дорогой ресторан. Сам не знаю, зачем. Помню, что она не пообедала, и захотелось и накормить, и показать, что не такой уж я осел.

Ошибки признавать умею.

Облажался, готов исправиться. На все готов, лишь бы Веру из приемной убрать. А лучше вообще из компании.

– Спасибо, я буду салат, – Надя поежилась, на меня посмотрела, будто я какой-то Воландеморт. – Насчет помощи, я подумала, как следует, и...

– И ты хочешь отказаться мне помогать, так?

– Так.

– И почему же? – сузил глаза, и попытался найти в девичьем лице что-то, что дало бы мне подсказку, но не нашел.

Женщин я никогда не понимал. Странные создания, как с другой планеты. И Надя это подтвердила:

– Потому что.

– Это не ответ.

– Это ответ, – вздохнула она, не став ничего объяснять.

Реально, с другой планеты. Ну неужели так сложно сказать словами, что не устраивает? Нет, лучше дуть губы, уничтожать взглядом, и надеяться, что мужчина сам догадается.

– Я, конечно, талантливый человек, но мысли читать пока не умею! Говори, что не так. Обиделась на то, как я себя за обедом вел? – предположил. – Так я объяснил. Андрея я знаю давно, и я просто решил тебя защитить. Будет думать, что мы вместе, возможно не полезет к тебе.

– Спасибо за помощь, – нахмурилась Надя.

И замолчала.

Бесит такое поведение! Любую другую бы давно послал, а Надю... послать хочется, конечно, но не хочется, чтобы она уходила. Наверное потому, что как секретарша она – огонь! Вернуть нужно.

А еще хочется смотреть на нее, пусть даже на такую недовольную. На россыпь мелких веснушек на носу и скулах, на карие глаза с расплавленным золотом, на нежную линию подбородка.

Черт, даже ушки у нее милые – розовые, так и тянет прикусить. Хм, раньше я на другие части женского тела предпочитал смотреть. Неужели меня так эта работа допекла, что я все, того, фетиш нашел?!

– Так, ладно, – заставил себя смотреть на принесенную еду, а не на Надины уши. – Об этом потом, давай просто пообедаем, и поговорим о чем-нибудь.

– Приятного аппетита.

Кормят здесь прилично, но платят здесь не за еду, а за пафос. Пилят фоточки, отмечают локацию, вот только Надя и не думает доставать телефон. Сидит, медленно ест свой салат.

Вспомнил восхитительный аромат в квартире Нади, и еда начала казаться мне пресной. Лучше бы мы к Наде поехали, посидели бы на кухне – там и разговор был бы непринужденнее, и еда вкуснее.

Но Надя уж очень грустной и недовольной выглядит. Пришедшая в голову мысль дико разозлила – так, как я сам от себя не ожидал:

– Андрей что-то сказал тебе? Приставал? Обидел? – сжал ладони в кулаки, представляя, как набью его высокомерную рожу. – Да не молчи ты!

– Андрей Павлович ко мне не приставал, и ни разу не обидел.

– Но что-то сказал, да? – поймал взгляд девушки, но она отвела глаза.

Значит, сказал. Только что? Ясно, что про меня, раз Надя шарахается от меня, я ее в ресторан-то еле дотащил. И это мое приглашение больше на похищение смахивало. Но что Андрей мог про меня рассказать?

Я ни разу не ангел, а совсем наоборот, но я и не скрываю этого. В подростковом возрасте пытался быть правильным, но надолго меня не хватило, а потом я на это плюнул – характер все равно прорвется, так лучше пусть для окружающих это не будет шоком. А в остальном... в остальном, я никого не убивал, не насиловал, не воровал и не предавал.

Хм, я думал, что я не ангел, но если рассудить, то я почти святоша! А Андрею я морду точно набью, чтобы не лил в уши Нади гадости про меня. И вообще, пусть возвращает мне ее!

– Давайте лучше поговорим о чем-то другом, как вы и хотели, – упрямо мотнула головой девушка.

– Ну давай. Может, ты в курсе, мои подчиненные – сумасшедшие?

– В смысле? – закашлялась Надя.

– В прямом. При отце, когда он мне дела передавал, ко мне просто приглядывались, но вели себя корректно, – начал я загибать пальцы. – Далее появилась ты, и я стал врагом хуже фашиста. А сегодня вся женская часть коллектива решила не дать мне спокойно работать. Устроили безобразие! Я, конечно, просил тебя сказать им завершить боевые действия, но ты, Надя, перестаралась.

– О чем вы говорите? – Надя попыталась состроить невинное личико, но получилось у нее плохо.

Глаза, впервые за весь вечер, весело заблестели, и она стала выглядеть еще милее.

– О том, что разрядились наши девушки как на конкурс красоты.

– Скоро Новый Год, дресс-кода у нас нет, вот и принарядились, чтобы почувствовать праздник, – пояснила Надя.

– И потому каждые пять минут кто-то из них забегал ко мне в кабинет, чтобы порадовать меня содержимым декольте? – приподнял я бровь. – А еще вдруг все решили, что я исхудал, и принесли мне пирогов, пирожков и даже голубцы в контейнерах!

– И вам мало было? – Надя указала мизинчиком на мой почти доеденный стейк. – Пирогам и голубцами не насытились?

– Я наших девушек опасаюсь. И есть их еду не стану. Они меня реально пугают, Надь, – взглянул на нее, пытаясь показаться несчастным, что у меня всегда хреново получалось. – Еще Вера эта... ты почему мне сразу не сказала, что она неадекват? Я бы ее уволил. А сейчас приходится терпеть. Давай ты вернешься, а?

Надя устало выдохнула и покачала головой.

– Я твоего бывшего сегодня встретил, – выдавил я. – Он к Вере заходил, а потом меня подкараулил. Про тебя спрашивал.

– Вы ведь не сказали Сереже, где я работаю, надеюсь? Он, конечно, узнает потом, но я не хочу, чтобы он таскался на новую работу, – встревожилась Надя.

У меня была такая мысль – сдать Надю, пусть бы ходил этот бывший и бесил Андрея своим присутствием, но мысль эту я отбросил. Меня этот Сережа взбесил. Тюфяк и мямля, ходит, болтается как говно в проруби, и сам не знает, что хочет. Но он точно идиот, раз выбрал Веру, а не Надю. Я бы такой ошибки не совершил.

Хм, но, наверное, не такой уж он и идиот, раз пытается с Надей помириться. Фигово пытается, но все же цветы дарит. А вдруг она поведется, и примет мужика обратно?

Посмотрел на Надю, и вспомнил маленькую Лизу – нет уж! Они достойны кого-то получше в роли мужа и отца!

– Не сказал.

– Спасибо. За ужин тоже спасибо, и мне пора домой.

– Надя... – выдохнул ее имя, и начал соображать, как ее удержать.

Вот не хочу отпускать, и все! Можно в офис поехать, можно в ресторане остаться. Можно и ко мне домой отправиться, если бы Надя согласилась. Я сглотнул, представив нас вдвоем в темноте моей квартиры, на кровати... а можно и на столе, или на подоконнике. Горизонтальных поверхностей у меня хватает, и я бы опробовал их все.

Вот черт, о чем я думаю?!

Нужно думать о том, как Надю на работу вернуть. Помогать мне она передумала, не тащить же ее силой!

– Ой, простите, – Надя нагнулась, залезла в сумочку, и достала звонящий телефон: – Да, мам... уже не на работе, а что? Что-то с Лизой? Ох... конечно, я сейчас приеду, уже лечу!

Надя вскочила, взволнованная и раскрасневшаяся, и я сам вдруг тревогу почувствовал.

– Мне пора, всего доброго.

– Подожди-ка! Я довезу, заодно расскажешь, что случилось, – схватил ее за руку, и подозвал официанта.

– Так что с ребенком-то? – поторопил я Надю, когда мы сели в машину, и она назвала адрес.

– С Лизой? Все хорошо, – отмахнулась она, но еще сильнее помрачнела.

– Женщина! Разве можно так пугать?! – зарычал я, и поймал ее удивленный взгляд. – Я думал, что случилось что-то страшное.

– Вы встревожились из-за моего ребенка? – улыбнулась она еле заметно, и я заметил ямочки на ее щеках.

Вот черт. Это тоже дико мило.

– Да, встревожился, – отрезал.

Не говорить же ей, что детей я люблю, и Лиза ее мне понравилась – милая девчужка-солнышко. Да и мама у Лизы, оказывается, тоже милая и нежная.

– Почему?

– Моего младшего в детстве похищали. До сих пор помню этот ужас.

– Ох, кошмар. Выкуп требовали? Бандиты? – Надя повернулась ко мне, еще больше встревоженная.

Хм, не о том я хотел с ней разговаривать. Вроде женщины любят легкость и фан. На конкретно эту женщину у меня есть четкие планы – вернуть ее в свою приемную. И смутные планы без цензуры, над которыми еще следует подумать. Поразвлекаться я бы рад, но потом как вместе работать-то?!

– Никита Борисович!

– Брат домой возвращался с уроков, а его в машину затолкали два наркомана. Это не конкуренты отца, не бандиты, а обычные обдолбыши были. Увидели нормально одетого пацана, и решили бабла срубить. Их быстро поймали, с младшеньким все в порядке, но мы долго отходили, – все же сказал я Наде, и она побледнела.

Да, веснушка, мир иногда бывает тем еще дерьмовым местом.

– Так что у тебя случилось?

– Да в общем-то ничего ужасного, но Лизу нужно забрать, – растерянно пробормотала она. – Я иногда ее маме отдаю, но очень редко, и на день-два. Мама и сама отказывается часто с ней сидеть. Говорит, сама родила, самой и воспитывать, и это логично, конечно. Хотя и обидно, – вздохнула девушка. – Родственники приехали полным составом, начали мою Лизку доставать, она троюродного брата немного... кхм, побила, так что лучше я домой ее заберу.

– Воинственная у тебя дочка, – усмехнулся я.

Не могу представить, чтобы тот кудрявый ангелочек в фартуке мог кого-то побить.

А еще мне просто не верится, что недавно встреченный мною тьюфак – отец этой малышки, и что Надя могла с ним жить. Не могла получше найти?!

– Лиза у меня особенная, – улыбнулась Надя. – Наверное, так говорят все матери, и все считают своих детей особенными. Она меня вопросами заваливает, и мне всерьез приходится заморачиваться с ответами. Ее не удовлетворяют ответы про аиста, который приносит детей. Говорит, что ни одного аиста в городе не видела, а малышкой зато видела многих. А когда спросила, почему небо голубое, я вообще полезла в интернет, сама ответ на этот вопрос не знала, – Надя говорила с гордостью и умилением, и я невольно улыбнулся. – А Антона она не в первый раз колотит. Он не злой мальчик, но шкодистый. Любит ее игрушки разбирать на части, то есть ломать. Из книжек листы выдирает, а Лиза такое не любит. Я ей объясняю, что так нельзя,

и нужно решать все разговором, но она говорит что словами дурному мальчишке ничего объяснить не выходит. И из-за этого мама и остальные родственники злятся и на нее, и на меня. Говорят, чтобы я Лизе ремня всыпала, вот только дудки!

Надя вздохнула.

Смотрю на нее, и не вижу взрослую женщину и мать. Внешне девчонка совсем, хотя ее возраст я знаю. Но живая такая, наивная, простая. И в этой простоте нет скуки. Просто она не выделяется. Навидался я девушек, высокомерно говоривших, что просто обожают поэта Чайковского и художника Глинку.

Вот только как я вообще мог подумать, что эта кнопка – зло во плоти?! Мать, конечно, накрутила меня, да еще и этот затянувшийся больничный сыграл роль. И Вера, глаза бы мои ее не видели, как попугай твердила, что Надя отлично устроилась: то в отпуск, то на больничный, а там и Новогодние праздники, после которых возможно будет еще один больничный. Ну а последняя капля – зашел в офис, а Надя вместо работы ёлочку украшает.

Ну, будет мне урок: в женском коллективе нужно не словам верить, а своим глазам.

– А этому своему ты Лизу не отдаешь? Почему она с твоей мамой-то?

– Вы про Сергея? А, – Надя махнула рукой, – он не помощник. Я не запрещаю им видаться, но ему с Лизкой скучно. Говорит, что как подрастет, так и будут общаться. Вот только боюсь, как Лиза вырастет, ей самой перестанет быть нужен Сережа, – она кивнула вправо, – вот здесь поверните, лучше через дворы.

Я проехал через дворы, и остановился у нужного подъезда.

– Спасибо вам. Даже не ожидала, – улыбнулась Надя, и мне даже обидно стало.

Неужели я такой ужасный? Ну накосячил, так ошибку вроде признал, и даже извинился. Не такой уж я злодей.

– С тобой подняться?

– Нет, что вы, – вежливо отказалась Надя.

Знаю, что это лишнее, но вид у нее испуганный. Это что там за семейка такая, что Надя с духом собирается, чтобы в дом войти?!

– А придется, – нашел я выход. – Мне нужно сполоснуть руки, – намекнул на туалет, и Надя кивнула.

Мы вышли из машины, и пока поднимались в лифте, я пытался понять: я веду себя так только ради того, чтобы Надя вернулась в компанию, или мне нужно что-то большее?!

Девушка дважды нажала на кнопку звонка, выдохнула резко – так мужики делают, перед тем как стопку опрокинуть, и сказала тихо:

– Если что, заранее простите.

– Мы будто в логово к дракону идем, – пошутил я, и Надя серьезно кивнула.

А затем дверь открылась.

Глава 7

– Мамочка! – Лиза вылетела на лестничную клетку прямо в своих белых носочках, и обняла меня за ноги. – Поехали в дом!

– Домой, – поправила я, и хмуро взглянула на маму, которая и сама глядела на меня с вызовом.

– Надя, нельзя так.

– Как?

– Потакать ребенку во всем. Лизе нужна строгая рука, она оторвой растет. Антоша весь в слезах, она довела мальчишку, а он всего-то попросил поиграть с этим ее жутким медведем.

– Он моего Потапыча в унитаз хотел макнуть, – Лиза подняла на меня взгляд, и я поняла – не обманывает.

– Вранье! – рывкнула мама, и я покачала головой – не сейчас.

Никита стоял за открывшейся дверью, мама его не видела, и я кивнула ему:

– Вы хотели в уборную?

– Перехотел, если честно. Пусть Лиза соберется, и поедем домой, – скомандовал он.

– Проходите, что вы за дверью встали, – мама махнула нам обоим, и нам пришлось войти в коридор. – Вы простите, семейные разборки. Кстати, я Инесса Вагановна. А вы, молодой человек?

Пока мама с Никитой знакомилась я прислушивалась к знакомому шуму и гаму, царившему в доме. Мама не любит, когда такой кавардак и полный дом гостей, но замечания только мне делает, когда я прошу ее с Лизаветой посидеть. А вот дальним родственникам она всегда рада. И всегда на их сторону встает, как и сейчас.

– У Антона кровь из носа, Лиза должна извиниться, – мама вынесла рюкзачок моей дочери, а Лиза в это время надевала сапожки, и отмахивалась от моей помощи. – Пока не извинится, никто не выйдет, и не поздоровается с тобой, Надя.

– Ей не за что извиняться. Была бы виновата, как тогда, когда она сервиз разбила, Лиза бы извинилась. Сейчас – нет, – заявила я.

Это я всю жизнь ходила, и извинялась, как мама приказывала. Виновата, не виновата, ее не волновало. Даже когда мальчишки облили кетчупом дверь соседки, а она вышла из квартиры в тот момент, когда я из музыкалки возвращалась, и решила, что это я набезобразничала, пришлось извиняться мне. Столько лет прошло, а до сих пор обидно!

Я и в семейной жизни по инерции извинялась даже за действия правительства, которым Сережа был недоволен. Вот только начала отучаться, и дочь в это не втяну.

– Я сто раз говорила тебе про воспитание, Надя. Объясняла, учила, а ты почему-то слушать не хочешь, – мама сложила руки на груди. – Вот увидишь, из твоей Лизы вырастет разбойница. Она уже с мальчиками дерется, врет. Что дальше? Начнутся мальчишки, побеги из дома, и панель?

– Угу. Наемные убийства и вступление в наркокартель, – фыркнула я.

– Не ругайтесь, – пискнула малышка, дернув меня за рукав. – Бабушка же уже меня наказала.

– Наказала? – я взглянула на маму. – В каком смысле?

– Ни в каком, – раздраженно отмахнулась она. – Все, не хочет извиняться, так уходите. Никто меня не слушает, конечно, мать же дура. А потом увидишь, что я права была. Вот из такого хулиганства и выливается большое, а все из-за воспитания. Ладно я, не мне внучка нос разбила, но перед Антошей нужно извиниться, и перед его родителями, которые именно этого и ждут. И от тебя, и от Лизы. Именно ты не сумела объяснить дочери, что насилие – не выход!

Глаза Лизы наполнились слезами, я хотела прижать ее к себе, но Никита подхватил ее на руки.

– Смотри, какая цепочка, – услышала я его голос. – Не будешь плакать – подарю. А улыбнешься, так и колечко добавлю. Тебе оно как браслет будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.